

Даниил Бешанов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вечеринки. Мы скоро придём

Рассказ

Даниил Александрович Бешанов

Вечеринки. Мы скоро придём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40170892

SelfPub; 2019

Аннотация

Самое неприятное в вечеринках то, что постепенно все начинают разбредаться. Или не постепенно, а сразу – приходят, видят тех, с кем им нужно было пообщаться, и не обращают внимание на других. Двадцать человек на вечеринке, а через час оказываешься с двумя-тремя. Содержит нецензурную брань.

Самое неприятное в вечеринках то, что постепенно все начинают разбредаться. Или не постепенно, а сразу – приходят, видят тех, с кем им нужно было пообщаться и не обращают внимание на других. Двадцать человек на вечеринке, а через час оказываешься с двумя-тремя.

– Где остальные?

– Откуда я знаю? Наверное, как обычно на кухне сидят или на лестнице.

– Надо пойти всех вернуть.

Чувствую себя мужиком, который тратит желание джина на то, чтобы вернуть своих друзей на необитаемый остров. Как будто мне это больше других надо. Я ведь мог бы и посидеть с Юрой и Мишей, поболтать. Но тогда к чему было всех звать? Да и оставишь их без присмотра, они квартиру разгромят. Каждый раз на пару стаканов меньше, на пару осколков в ногах больше. Повезёт, если в ногах. Мать недавно плюхнулась в кресло и разодрала ногу осколком, который я не заметил при уборке. Сказала, что больше не разрешает мне устраивать вечеринки. Как будто до этого разрешала. Как будто мне оно нужно, её разрешение.

Но меня и самого бесит такой пофигизм к моей квартире. Всем лишь бы выпить, пососаться, посмеяться. Разбилось блюдо? – надо спрятать осколки под холодильник. Чипсы рассыпались? – уйдём отсюда поскорее, чтобы на нас не подумали. Я же знаю вас всех, вижу, как вы переглядываетесь. Не ваше, значит можно забить. Сопляки.

Я прохожу по корридору и натыкаюсь на заснувшего типа. Толик? Похоже. Аня ушла без него домой, а он не шолохнулся. Завтра будут выяснять отношения. Поссорятся, помирятся – до новой вечеринки. Он всегда напивается вдрызг, много смеётся, а потом затихает мгновенно – и уже спит, спит так, что не разбудишь, хоть оперируй. И Аня это знает, но всё равно пьёт с ним на равных. А когда переберёт, становится жутко обидчивая – к ней не приближайся. Знают оба и всё равно пьют. Ну, их дело.

Ванная заперта, свет горит, но никто не отвечает. Наверное, девчонки успокаивают Настю, которая бросила Лёшу после того, как он ей изменил. Так они говорят, по крайней мере. Но Лёша, он такой тюфяк – куда ему изменять, да тем более Насте? Удивляюсь, как она вообще стала с ним встречаться. Весь такой тихий и гладенький, что аж гадко. Разговаривает шёпотом, хоть и любит поболтать, особенно, когда курит, а курит он много даже по моим меркам.

Вот и сейчас на лестничной площадке стоит болтает с Костей. В квартиру не заходит, боится встретиться с Настей, не хочет её криков, а кричать она любит. До Лёши мы с ней встречались немного – как она кричала...

Я бы выгнал девчонок и позвал лучше Лёшу в квартиру, но сегодня не хочу ни с кем ссориться. Хочу посидеть в компании, послушать разговоры со всех сторон. Грустно. Все разошлись по углам, искать их надо. И это у меня в квартире. За всеми ходить, собирать всех. Почему нельзя несколь-

ко часов посидеть в одном месте, когда уже пришли? Хозяйские заботы, чёрт бы их.

И туалет на замке. Тяжело дышит кто-то и блюёт. Надеюсь, не мимо унитаза, а то и такое приходилось убирать. Я не любитель выпускать всё, что выпил, из себя – это напрасный перевод денег. Если уж хватило сил выпить, соберись и удержи алкоголь в желудке. Всё равно основная часть впиталась и на утро будет что так, что так хреново. На это есть таблетки в аптечке. И ещё таблетки в куртке на случай, если кто-нибудь утащит аптечку. И ещё таблетки под матрасом, если кто-нибудь уйдёт в моей куртке на улицу.

Вот и сейчас ушли. Кто? Наверное, Паша, или Влад, или Катя. Они любители сходить пьяными в магазин и утащить по шоколадке оттуда. Я видел, как это делает Влад – так непринуждённо и незаметно, много лет тренировался, наверное. С ним можно сходить за ролтоном, а вернуться с полноценным завтраком, не заплатив за это ни рубля. Не видел, чтобы его когда-нибудь ловили. Хотя Дима говорил, что один раз охранник увёл Влада в подсобку. Но и тогда он вышел сухим всего через пять минут и со сникерсом в рукаве. Удачливый тип.

А в туалете кто-то плачет. Или это Настя из ванной. Нет, точно туалет. Я не беспокою, не люблю. У всех полно проблем, не ко всем же лезть и не всем же помогать. Мне никто не помогает, и нормально. Иногда полезнее самому разобраться, поразмыслить, чем изливать душу первому встреч-

ному, или даже второму – всё равно. Правда, мать так не считает. Записала меня в 7 классе к психотерапевту, теперь хожу раз в две недели. Он что-то спрашивает, я что-то говорю. Когда-то это помогло, но сейчас бесполезная трата времени и денег. Можно было лофт на новый год за эти деньги снять и повеселиться, но не скажешь же это матери.

Захожу на кухне. Там у открытого настежь окна стоят Виталик и Илья, парни постарше, курят и болтают о своём.

– Будешь?

Я не курю, но когда предлагают, редко отказываюсь. Они думают, что так платят мне за гостепреимство, а я принимаю. Хоть что-то, но полезным это не назовёшь. Впрочем, как и алкоголь. Так что, какая разница, если уже выпил. Затягиваюсь, и дым заполняет меня, а потом вылетает на кухню. Замечаю, что в кресле у стола спят Полина и Валя. Ещё только 2 часа ночи, а они уже выдохлись. Проснутся часа через два и, никого не предупреждая, уйдут домой – зачем вообще приходили?

Зачем люди приходят на вечеринку? Раньше я думал, что знаю ответ – чтобы повеселиться, выпить, провести время в компании людей. Но это не так. Большая часть разбредается, остаются по двое и разговаривают, изредка наливая себе водку, разбавленную на три четверти персиковым соком (отвратная вещь, как по-мне). Они обсуждают свои проблемы, знакомых, друзей – кто как поступил, что сказал, что случилось, как бы они сделали на их месте и что бы вышло из это-

го. На словах всё проще, чем на деле. Мы все такие умные, когда говорим, но стоит чему-то случиться, как творим ещё большую херню, чем те, кого мы обсуждаем и осуждаем.

Иногда мне хочется, чтобы вокруг было как можно больше людей, чтобы они заполнили всё моё пространство. Мне нравится думать, что они приходят ко мне, именно ко мне, что тусуются у меня и что им весело именно в моей квартире. Тогда я не чувствую одиночество. Но в один момент это прекращается, и мне становится тошно от того, как бесцеремонно ребята ходят по моему дому, трогают мои вещи. Я вдруг понимаю, что они совершенно не думают обо мне, что забыли, где находятся. Я для них всего лишь удобный инструмент, свободная квартира на выходные, где можно поговорить с друзьями, выпить, когда тебе самому алкоголь не продают, пообниматься или даже потрахаться, пока другие пьяны и не осознают ничего.

На меня накатывает тоска, и я выхожу подышать на улицу, пройтись по ночному двору, где никого нет. Но это только больше погружает меня в дурное состояние. И я вспоминаю мать. Наверное, всё же есть смысл в походах к психотерапевту. Он всегда предлагает какое-то решение, пусть сначала оно и кажется тупым и бессмысленным. Когда я возвращаюсь в квартиру, я пью, если есть что. Обычно пустые бутылки разбросаны по комнатам, как и люди, выпившие их. Но часто никто не находит мои заначки на утро. И утро приходит ко мне на несколько часов раньше в виде стопки водки.

Есть чем закусить? Ну, да ладно.

– Эй, ты в порядке?

Да, только задумался. Сегодня всё не так, сегодня меньше грусти и хочется собрать всех, кто остался, кто ещё не спит или не ушёл.

– Придёте в большую комнату? Мы там с парнями сидим.

– Зачем? А, да, сейчас, только договорим.

Хорошо. Приятно, когда тебя понимают. Однако их «сейчас» может растянуться и на полчаса. Хоть алкоголь ещё есть, так можно и подождать. Где же остальные?

Я ухожу с кухни, оставляя спящих девушек с двумя охмелевшими и накуренными парнями. Они не замечают Полину и Валю, увлечённые болтовнёй о машинах, которые хотят получить на окончание школы. Сейчас оба ходят на уроки вождения, но это лишь формальность – они знают, все знают, что их родители заплатят на экзаменах в ГИБДД, потому что так проще. Хотя они и умеют водить. Виталика отец учил разбираться в машинах с 5 лет. В 6 он сел за руль под присмотром, а в 9 без присмотра, в результате чего не сел на задницу недели три. Чего только не узнаешь в пьяных разговорах. Илья же водит с 14 – водится с ребятами постарше, которые запрягают его отвозить их домой, когда они пьяные, а сами угощают его то алкоголем, то травой.

В моей комнате горит ночник. Я его выключал, когда выходил встречать гостей. Значит, опять кто-то пробрался ко мне. Повезёт, если просто полежать. Но чаще всего после

того, как люди уходят, я нахожу свою постель облёванной, смоченной в алкоголь, замусоренную, иногда в сперме. Мерзость. Всё стирать, убираться. Только воспоминания и домыслы не сотрёшь. А ребятам пофиг – могут на следующее же утро хвастаться про то, какой у них был прекрасный секс на моей кровати и жаловаться на то, что она скрипит. Так, я бы не предполагал, что кто-то будет использовать её как ложе для блядствования. Иначе бы, конечно, смазал пружины, постелил бы новый матрас, украсил бы кровать лепестками роз. Шучу. Хер там.

Я захожу в комнату. Там Борис и Маша, выясняют отношения. Или мирятся. Я плохо разбираюсь в таком.

– Ой, Макс, можешь выйти, мы сейчас, договорим только.

– Эм? – ну охуеть теперь – «свали из своей комнаты», называется.

– Прости. Нам... ну очень нужно.

Окей. Чёрт с вами. Не люблю парочки на вечеринках – всё время ссорятся или милуются, в общем, портят настроение другим. Ничего не имею против того, чтобы целоваться пьяными или даже ругаться, но со случайными людьми, а когда это происходит между влюблёнными, сразу появляется какое-то напряжение. Будто оказался не в том месте, будто лишний, посторонний, назойливый и надоедливый. В своей квартире. Я бы совсем не приглашал парочки, но большинство парней мои хорошие знакомые, а девушки берут с собой подруг, с которыми можно мило провести время. Если

девушки нормальные, например, как Катя. С ней тусить одно удовольствие – и поболтает, и поласкает. Побольше бы таких.

В ванной засиделись. Уснули? Нет, шуршат, шушукаются.

– Вы в порядке? Пошли в комнате посидим, там все собрались, вас ждём.

– Макс? Мы скоро придём.

Это Маша отвечает, она любит сидеть в ванной и утешать других. Кажется, только за тем и приходит ко мне, чтобы послушать слезливые истории девочек. Никогда не видел, чтобы она оставалась в компании со всеми больше пятнадцати минут. И почти не видел, как она пьёт, контролирует всё. Но хотя бы не бьёт ничего и другим не даёт – следит и помогает, если кто-то слишком напился и буйнит. Мы редко с ней общались, хоть и учились в одном классе несколько лет, и всё больше тогда, когда отводим кого-нибудь домой, если близко живут. Если далеко, люди остаются спать у меня, пока не протрезвеют. И тогда, опять же, за ними следит Маша. Сидит и разговаривает ещё с кем-нибудь.

Вернулись Паша, Катя и Вася. Заходили в магазин, а потом ждали с Владом его такси, говорят. Принесли твиксы к чаю на утро. Беру один себе – каждый платит, чем пожелает. И да, на Паше моя куртка. Надо в следующий раз спрятать куда-нибудь подальше. А сейчас они разуваются и хотят пройти на кухню.

– Водка в комнате, – поворачиваю я ход их мыслей.

– Это кстати, – улыбается Катя. Она следует за мной.

– Мы скоро придём, – говорит Вася и уходит мыть руки.

«Мы скоро придём», «сейчас», «подожди секунду» – слышу я, когда пытаюсь собрать всех. Это бессмысленно, люди не придут, если не захотят, а они не хотят. Сейчас им нужно побыть с кем-то наедине, что-то обсудить. А я так и останусь на втором плане, так что лучше в это вообще не вступать. Пить себе и пить. Целоваться с Катей, болтать с Юрой и Мишей. Пить и не ждать никого. Хер с ними.